

Современная русская диалектология и диалектография К 25-летию Новгородского областного словаря *

Русская диалектология и диалектография за послевоенный период успешно развивалась и развивается. Особенно это отразилось на сборе ценных материалов народной русской речи прямо «в поле», что было крайне важно в эпоху мощного воздействия радио, телевидения, интернета и других средств современной коммуникации на региональные разновидности русского языка. Сейчас, пожалуй, не осталось ни одного региона России, народные говоры которого не были бы описаны и не отражены словарями. А ведь ещё до середины прошлого века, когда, например, вся германоязычная диалектная карта уже не имела лексикографических белых пятен, плоды традиционной русской диалектографии можно было пересчитать на пальцах одной руки. Конечно, – были великий В. И. Даль с его немеркнущим и постоянно переиздаваемым *Толковым словарём живого великорусского языка* (СПб. 1863–1866), *Опыт областного великорусского словаря* (СПб. 1852) и дополнение к нему (1858), *Словарь областного архангельского наречия* А. О. Подвысоцкого (СПб. 1885), *Словарь областного олонёцкого наречия в его бытовом и этническом применении* Г. И. Куликовского (СПб. 1898) и небольшой *Словарь уездного череповецкого говора* М. К. Герасимова (СПб. 1910)... Но всё это были капли (пусть и весомые) в необъятном море русского диалектного пространства. Пространства, в котором до недавнего времени оставалось ещё немало белых пятен. И вдруг, с 50-х годов прошлого века начала расти и география, и мощная лексикографическая база описания русских народных говоров. Теперь без преувеличения можно сказать, что эта отрасль диалектологии в России успешно процветает, ибо число диалектных словарей уже перевалило за 100.

Причина этого небывалого роста, как известно, – в диалектологической стратегии, верно избранной русистами и славистами. Работа над славянскими диалектологическими атласами, развернувшаяся после войны, потребовала консолидации сил во всей Славии. Но если большинство славянских диалектологов полностью сконцентрировали свои усилия на создании (чрезвычайно трудоёмком) лингвистических атласов, то в России эта работа, благодаря поддержке Р. А. Аванесова, В. В. Виноградова, С. Б. Бернштейна, Б. А. Ларина, Ф. П. Филина и других лингвистов стала сочетаться со словарной интерпретацией полученных в поле материалов. Практически в каждом вузе русисты начали создавать свои словарные картотеки, ибо официально закреплённая учебными программами диалектологическая практика приносила новые и новые записи народной речи. Этот процесс был поддержан и Академией наук и автору этих строк, пока ещё живому свидетелю такого всеобщего сбора новых и новых языковых фактов, посчастливилось побывать во многих диалектологических экспедициях и наблюдать, как обогащались вузовские и академические картотеки и создавались такие тезаурусы, как *Словарь русских народных говоров*, *Архангельский областной словарь*, *Псковский областной словарь с историческими данными* или *Новгородский областной словарь*.

Разумеется, такая работа не могла бы принести столь ощутимых успехов, если бы не было знающих, преданных делу и полных энтузиазма диалектологов и лексикографов. Перечень их имён занял бы немало места. Но одно имя хочется вспомнить с особой благодарностью – имя академика Никиты Ильича Толстого. Ведь именно в самое трудное для России и её науки время – время, которое называют «лихими девя-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 17-18-01062.

ностями», Никита Ильич смог благодаря своему авторитету добиться эффективной финансовой поддержки издания многих уже готовых диалектных словарей. Мне помнится момент, когда Н. И. Толстого избрали в академики-секретари Российской академии наук и как он, сознавая, какое бремя на него ляжет из-за этой далеко не благодарной функции в столь смутное время, сказал мне: «Знаю, что это бремя. Но согласился, ибо это – Божье дело...». И Никита Ильич это Божье дело совершил. «Словарь русских народных говоров», *Псковский областной словарь*, Архангельский областной словарь, словари вологодских, сибирских, смоленских, орловских и многих других говоров России своевременно получили финансовую поддержку, без которой, быть может, они никогда бы и не увидели света. И «Новгородский областной словарь» был одним из них. Ведь на обложках его выпусков красуется хоть и микроскопическая, но гордая надпись: «Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (код проекта 93-06-11099)». Мы, диалектологи, помним, что значила она для нашей словарной работы в те лихие времена...

Конференция, посвящённая 25-летию Новгородского областного словаря, – достойный повод для того, чтобы взглянуть на всё необъятное пространство русской диалектографии и поклониться всем, кто внёс в неё свой вклад. Прошедшая 18–20 мая 2017 г. в Новгородском государственном университете имени Ярослава Мудрого и организованная известными новгородскими русистами – Е. Ф. Жуковой, В. И. Заикой, В. Г. Дидковской, В. Л. Васильевым и Т. В. Шмелевой, она стала смотром диалектологических сил, своеобразным отчётом о том, что сделано в различных регионах России в данной научной области. Целью конференции была координация научных исследований в области диалектологии и диалектной лексикографии, обобщение опыта использования словаря в качестве источника лингвистических разысканий, определение перспектив работы со словарем как научно-исследовательским ресурсом. И обсуждению здесь подвергались такие злободневные проблемы, как современное состояние диалектной лексикологии и лексикографии, методы и приёмы лексикографической обработки материала, сопоставительный анализ результатов составления региональных словарей разного типа и др. Естественно при этом, что «новгородская» тема – особенно значимость материалов *Новгородского областного словаря* для русской диалектной ареалогии и его место в системе диалектных словарей русского языка – проходила красной нитью почти во всех докладах.

Выход в свет *Новгородского областного словаря* в 13 выпусках (НОС 1992–1999), составленного под руководством В. П. Строговой коллективом опытных диалектологов, знаменовал новую эру в русской диалектографии. Ведь при всей интенсивности словарного описания регионов необъятной России до начала 90-х годов прошлого века «Новгородская земля значительно отставала от других территорий в плане лексикографирования народной речи» (НОС 2010, стр. VII). Это отставание ликвидировано с появлением первого выпуска *Новгородского областного словаря*, который стал, по словам А. С. Герда, «особым этапом в истории русской филологии: именно с этого словаря логически должна была бы начаться работа над всеми другими словарями Русского Севера и Северо-Запада: вряд ли можно сомневаться в том, что в говорах вокруг озера Ильмени, по Ловати, Шелони, Мсте и Волхову лежат истоки и начала народной речи всего Русского Севера и многих областей Урала и Сибири» (Герд 1992). Именно поэтому по инициативе С. А. Мызникова 13 выпусков Новгородского словаря спустя всего 15 лет были переизданы с дополнениями Л. Я. Петровой и А. В. Клевцовой в академической серии «Памятники русского диалектного слова».

Подчёркивая значение *Новгородского словаря*, некоторые докладчики на конференции воздали заслуженную честь его создателям. В докладе «Новгородские краеведы – собиратели диалектной лексики в досоветский и раннесоветский периоды (краткие библиографические сведения)» Н. Н. Вихрова и В. Л. Васильев описали пре-

дысторию создания *Новгородского словаря*. Традиционный интерес к Новгородщине и её языку и культуре прямо связан со значимостью этого региона для формирования русской нации, с её самобытностью и в то же время близостью к общеевропейскому культурному наследию. Доклад Л. Н. Сергеевой был посвящён основательнице и spiritus movens *НОС* Вере Павловне Строговой – истинному учёному, учителю и человеку, сумевшему сплотить и организовать деятельную группу составителей этого тезауруса живой народной речи и довести его до выхода в свет.

Во многих докладах новгородский материал освещался на широком меж-региональном фоне других русских диалектов. С. А. Мызников продемонстрировал, как этот материал отражён в редактируемом им *Словаре русских народных говоров (СРНГ)*, 49-й выпуск которого недавно вышел, а 50-й уже готов к печати. Показательно, что в этом сводном словаре помету *Новг.* (новгородское) имеют примерно 25 000 диалектизмов – это примерно совпадает с числом языковых единиц, описанных в *НОС* под редакцией В. П. Строговой (25 000 диалектных слов и около 2600 фразеологизмов). С. М. Толстая в докладе «Заметки на полях «Новгородского областного словаря»» продемонстрировала широкие славянские проекции новгородского диалектного материала, затронув вопросы лексикологии (терминология родства, анатомическая терминология, обрядовая терминология), фразеологии (в частности, фразеология измены), семантики (проблема дефиниций, контекстных толкований и т.п.), морфологии, морфонологии и этимологии. Не менее широкие ареальные и структурно-семантические связи новгородского материала с диалектизмами других регионов России описали Е. Л. Березович и О. Д. Старикова в докладе «Формулы проклятий в русских диалектных словарях». Авторы обсуждают проблемы лексикографической интерпретации формул проклятий: дифференциации их формул и собственно бранных выражений; выявления начальной формы глагольных лексем; вычленения наименований субъектов проклятия из формулы; разграничения узуальных лексем, которые встречаются вне текстов проклятий и др.

Лексика и фразеология, естественно, стали центральным «сюжетом» многих докладов на конференции. Обозначения сторон света (ЗИМА – СЕВЕР, ЛЕТО – ЮГ) – тема доклада Т. И. Кошелевой. Ею продемонстрирована прочная «пространственно-временная» связь в языковом сознании носителя диалекта лексических единиц, обозначающих холодное или тёплое время года или суток (*зима – лето, полдень – полночь*) и словами, имеющими значение направления, поскольку и то, и другое связано с положением солнца. Таковы диалектизмы *ночная сторона* – север; *полуденник* – южный ветер; *зимник* – северный ветер; *летник* – тёплый южный ветер; *полуночник* – холодный ветер.

А. В. Клевцова и Е. Ф. Жукова подвергли анализу лексико-семантическое поле «Любимый человек», рассматривая это поле как незамкнутый синонимический ряд, члены которого обозначают одно понятие объективной действительности, но каждый синоним выделяет в называемом лице определённый признак и определяет любимого человека по этому признаку. Материалом такого анализа послужили как новгородские частушки, так и обиходная устная речь. Наименование женщин по внешним признакам – тема доклада Д. С. Яшиной и В. И. Заики. Здесь и разнообразные наименования по физическим признакам: росту (*нарощечная*), полноте (*ребрявая*), возрасту (*молодозливая*), цветовым свойствам (*копчёрка*) и др. а также существенные и социальные габитуативные признаки номинации женщин – например, неряхи (*баланда, курза, суряха*) и щеголихи (*выщелка, модёна, форсиха*). Авторы уделяют внимание и лексикографической характеристике таких лексем – способам их дефиниции, роли иллюстративного материала и стилистической характеристике. Объектом специального анализа стали и соматизмы в *НОС* (Л. В. Воробюхина), оригинальность которых нельзя не оценить – ср.: *кабры* – руки, *затылочек* – тыльная сторона кисти

руки, *бубики* – кишки, *вохлы* – волосы, *термань* – мускулы, *кипун* – белый пузырь на языке, *волыш* – желвак, шишка.

Т. В. Шмелева продемонстрировала богатство и словообразовательную активность новгородской диалектной лексики на примере диминутивов – как прилагательных (*бедовенький, басенький*), наречий (*беленько, внатрусочку, впереворочку, бычком*), так и междометий (*аиньки, охтенки*). В живой речи они образуют целые диминутивные серии – например, при наименовании родства (*братенька, братуня, братуша, братушка*), предметов (*вилошки, вилушки, виленочки, вилошечки*), пространства (*болотинка, болотечка, болотико, болотичка, болотавинка*), событий (*вечеринка, вечерки, весерок, вечерушка*) и под. Такой материал позволяет по-новому увидеть такую лексику как в говорах, так и в литературном языке. В этимологическом эссе Л. П. Михайловой предложена возможная расшифровка «загадочного» новгородского слова *тмѣна* ‘расчищенное для пашни из-под леса место, подсека’, имеющего точечный ареал. Допуская преобразование консонанта в анлауте, автор предполагает связь этого диалектизма со словами *дмать, дмить* ‘дуть, раздувать (огонь)’, зафиксированными в смоленских и псковских говорах. Семантика ‘огонь’, сопровождающая основную сему ‘дым’, делает эту этимологию вероятной.

Древний характер новгородского диалекта нашёл яркое отражение и в ономастике. В докладе В. Л. Васильева «О древненовгородских языковых следах в отдалённых от Новгорода регионах Восточно-европейского Севера и Сибири» рассмотрены языковые архаизмы с древненовгородским «адресом отправления». Они рассеяны по различным регионам Севера Восточной Европы и Азии. Среди многих сотен элементов, которые распространились из региона новгородско-псковских земель далеко на север и восток, встречаются слова, обладающие дополнительными древненовгородскими приметам. Среди них – северно-русские термины, топонимы и фразеологизмы, в которых отражена зависимость от архаической топонимии Приильменя и Поволховья. Об их древненовгородском источнике позволяет судить культурно-исторический контекст. В докладе А. К. Шапошникова «Исторические и диалектные ономастические свидетельства Новгородской земли как основа реконструкции древнерусского, восточнославянского и праславянского традиционного имени» новый ономастический материал сопоставлен с прежде изданными материалами древнерусского, славянского и праславянского происхождения, что позволяет глубже осмыслить общие закономерности древней стадии новгородского, древнерусского и праславянского наречия имени. В результате выявлены не только ареальные, специфические, периферийно-архаичные глагольные и именные основы, но и предложены новые этимологии некоторых базовых праславянских основ и уточнены или пересмотрены этимологии некоторых глаголов (напр., **велѣти*, **витѣти*, **жѣрѣти*, **костити* и др.) и существительных (*вадь, гвиздь, гость, жирь, мирь* и др.).

Новгородская топонимия, извлечённая из *НОС* исследуется Е. В. Цветковой в сопоставлении с микротопонимией Костромской области. Автор рассматривает как наиболее значимые специфично новгородские микротопонимы, образованные на основе местной географической терминологии, так и микротопонимы отантропонимического и оттопонимического происхождения более широкого ареала. Дериваты топонимов в *НОС* – тема доклада Ю. А. Кривошаповой. Автор исследует диалектные лексико-фразеологические единицы, возникшие в ходе смыслового расширения топонимов и семантические и семантико-словообразовательные дериваты от них – напр. *американь* ‘большие сани’, *казанская печать* ‘вид игры’, *камчатка* ‘что-либо отдалённое, находящееся далеко от чего-либо’, *сибирь* ‘отдалённый участок земли; лесная пустошь’ и др. Диалектный материал распределяется по тематическим сферам (природа, человек, транспорт и др.), а для некоторых лексем с неочевидной внутренней формой (напр., *копора* ‘женщина, нанимавшаяся работать в пригороде Петербурга на сезон’, *завьяловка* ‘телега для перевозки сена’, *как с города Кукуя* ‘о ком-либо неосве-

домлённом' и др.) предлагается этимологический комментарий.

Новгородская русистика является не только одним из центров диалектологии и диалектографии, но и благодаря трудам В. П. и А. В. Жуковых и их последователей давно уже стала признанным научным центром исследования фразеологии. Фразеологические конференции, организованные в Новгороде с 60-х годов и знаменитые «Жуковские чтения» значительно продвинули вперёд эту молодую лингвистическую дисциплину, патриархом которой был основатель Новгородской фразеологической школы В. П. Жуков. Не случайно поэтому В. П. Строгова, Н. И. Лавров, К. В. Гарновский, Л. Н. Сергеева и коллектив составителей *НЭС* бережно собирали народную фразеологию и скрупулёзно описывали её в словарных статьях этого диалектного тезауруса. Благодаря их усилиям новгородская диалектная фразеология органически вписалась в общую картину русской фразеологии и обозначила своё заслуженное место в целостной фразеологической системе русского языка.

Для лингвистических и лингвогеографических исследований новгородский материал обеспечил точную привязку во времени и пространстве к другим фразеологическим ареалам – не только русского, но и других славянских языков. Стало возможным более детализированно исследовать фразеологическую вариантность, междиалектные и межъязыковые связи новгородских ФЕ с псковскими, вологодскими, смоленскими и т.д. Особое значение такой материал имеет для историко-этимологических и культурологических штудий, позволяющих определить общие и регионально маркированные характеристики новгородского фразеологического пространства. Поэтому для диалектологов и фразеологов материал, описанный в *НЭС*, представляет непреходящую ценность, ибо его можно анализировать в самых разных аспектах, что и стало объектом обсуждения на конференции. Значение новгородского фразеологического материала для русской диалектной фразеологии продемонстрировал на многих примерах В. М. Мокиенко. Фразеологизмы с компонентом-числительным в новгородских диалектах рассмотрены Е. А. Глазковой. Выделив специфические примеры, автор описывает особенности количественных характеристик с целью создания классификации фразеологических единиц, отражающих представления наивной картины мира.

Понятно, что 25-летие *НЭС* стало импульсом и для обсуждения актуальных проблем диалектной лексикографии. В этом ключе прозвучали многие доклады – как «чисто» новгородской тематики, так и весьма широкого ареального и тематического профиля.

К первым можно отнести анализ иллюстраций в словарных статьях номинаций человека в *НЭС* (В. И. Заика, Г. Н. Гиржева). Зона иллюстраций в *НЭС*, как показали докладчики, функционально весьма значима: речевые контексты подтверждают реальное существование слова, уточняют словарные дефиниции, демонстрируют синтагматические свойства диалектизма. Особенности иллюстраций оценочных номинаций человека в том, что они не столько называют человека, сколько выражают к нему своё отношение, подчёркивая не столько семантическую, сколько прагматическую характеристику. Именно поэтому в словаре они нуждаются в примерах употребления. Докладчики выделяют 2 функции иллюстраций: коммуникативно-ситуативную и метаязыковую. Иллюстрации первого типа в большей степени характеризуют прагматические свойства слова и его естественную синтагматичность. Иллюстрации второго типа в большей степени способствуют уточнению семантических свойств слова, как правило, в ущерб свойствам синтагматическим. Новгородской диалектографии посвящен и доклад А. В. Батулиной «Функции метаязыковых комментариев в Новгородском областном словаре». В иллюстративной зоне словарной статьи такие комментарии выполняют два типа функций: 1) толкование значения диалектной единицы, обеспечивающее понимание речи (коммуникативные рефлексивы) и 2) аргументация, критика употребления языкового средства в данном контексте (концептуальные реф-

лексивы). Комментарии второго типа значительно разнообразнее по структуре и содержанию, чем комментарии первого типа. Наиболее частотными являются концептуальные рефлексивы, фиксирующие сферу употребления, хронологические рамки бытования, парадигматические и синтагматические связи диалектного слова. Значительно реже метаоператор представляет собой эмоционально-оценочное суждение о словоупотреблении.

Общим проблемам словарного дела были посвящены доклады представителей разных лексикографических школ и центров России. Уже по их названиям виден широкий тематический диапазон, интересующий составителей словарей: «Сопоставительный диалектный словарь псковско-белорусского пограничья» (Н. В. Большакова, Псковский университет); «Региональный словарь как источник историко-лингвистической информации» (В. Г. Дидковская, Новгородский университет), «Представленность многозначных слов в словарных статьях пропозиционально-фреймового словаря» (О. А. Булгакова, Кемеровский университет), «Отражение парадигматических связей слов в словаре негативно-приставочной лексики говоров» (Т. В. Лысенкова, Псковский университет), «Прагматический взгляд на контексты в диалектных словарях» (А. В. Глазков, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва), «Проект «Словаря межъязыковой образности» или к вопросу об образных примитивах» (Алтайский гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина), «Диалектный словарь Нижегородской области как источник этнографических исследований. К вопросу о семантической характеристике слова» (И. В. Толкачева, Нижегородский университет), «Вопрос о представленности лексико-фонетических вариантов в диалектных словарях» (Л. П. Михайлова, Петрозаводский университет), «О типологии орфографических вариантов (на материале лексикографических источников)» (Э. С. Денисова, Кемеровский университет), «Концепция «Лингвокультурологического словаря детства: в начале пути» (М. М. Угрюмова, Томский университет), «Региональный компонент школьного фразеологического словаря» (Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва, Псковский университет), «Пропозиционально-фреймовый словарь телеутского языка: история создания, концепция, теоретическая и практическая значимость» (Л. А. Араева, Кемеровский университет), «Лингвострановедческий телеутско-русский словарь как способ лексикографического описания взаимосвязи языка, сознания и культуры телеутов» (А. В. Прокуркина, Кемеровский университет).

Уже из приведённых названий докладов видно, сколь широк ареал диалектологических и диалектографических исследований, ведущихся в России. Материалы конференции в какой-то мере объективно отражают интенсивность таких исследований в том или ином лингвистическом центре. И – что симптоматично – что чем интенсивнее ведётся в таком центре словарная работа, тем интенсивнее теоретические и практические исследования русских диалектов. Петербург и Псков (Псковский областной словарь), Москва (Архангельский областной словарь), Новгород (Новгородский областной словарь), Вологда (Словарь вологодских говоров), Смоленск (Словарь смоленских говоров), Томск (диалектография школы О.И. Блиновой), Ростов-на-Дону, Волгоград, Орел... всех центров русской диалектографии невозможно перечислить. И представители многих из них стали участниками Новгородской конференции и тем самым диалектологическое пространство России было здесь представлено почти во всей полноте *sub specie* пространства Новгородщины.

Естественно, что наиболее представленными оказались исследователи псковских народных говоров. Ведь составители *Псковского областного словаря с историческими данными*, основанного в 60-е годы Б. А. Ларинным, выпустили уже 26 выпусков этого словаря и объём его словника, основанного на 2х-миллионной картотеке, в несколько раз превышает объём *НЭС*, ибо это – в отличие от новгородского, – словарь полного типа. Псков, как и Новгород, играл в истории России и истории русского литератур-

ного языка особую, судьбоносную роль и уже поэтому исследования псковских говоров имеют лингвистическую и культурологическую дальнобойность. Эта мысль стала лейтмотивом нескольких докладов на «псковскую» тему.

В докладе Л. Я. Костючук «Своеобразие псковских говоров в условиях соседства с другими языковыми системами (синхронно-диахронные наблюдения при лексикографической работе)» раскрывается специфика диалектографии ларинского типа – полнота и историчность. Это требует от составителей учёта и роли «внешней лингвистики», благодаря чему ряд псковских особенностей могут быть объяснены только древним влиянием систем соседних для псковских говоров балтийских и финно-угорских языков. Некоторые особенности сближают псковские говоры с новгородскими, породившими теорию «древнего псковско-новгородского диалекта».

«Традиционный мир псковского крестьянина (от словаря к электронному ресурсу)» – тема доклада Л. Б. Воробьевой и З. В. Митченко. Докладчики предлагают культурологический анализ материала словаря *Традиционный быт псковских крестьян* (Псков, 2012), созданного коллективом авторов и ставшего первым опытом регионального этнолингвистического словаря. В словаре получили описание около 650 единиц, среди которых представлены как общерусские, так и локальнорусские этнографизмы, что позволило раскрыть этнолингвистическую специфику Псковщины в общенациональном контексте. Чётко выраженные черты лингвоцентризма выражаются здесь в системно представленных языковых репрезентациях этнографизмов, коммуникативно-функциональной части, этимологических данных. В настоящее время создаётся электронная версия этого словаря, которая позволит по-новому, комплексно представить региональный этнолингвистический материал как для специалистов, так и для всех интересующихся традиционной народной культурой и языком. Проблемы квалификации экспрессивной лексики в *Псковском областном словаре с историческими данными* раскрыла в своём докладе Е. Б. Кузьмина. В русской диалектной лексикографии для маркирования экспрессивной лексики используется помета «экспр.», но её содержание уже, чем понятие экспрессивности в языке. В *Псковском областном словаре с историческими данными* эта помета характеризует прежде всего категорию интенсивности. Докладчица обнаруживает противоречия и непоследовательности в употреблении пометы «экспр.» и формулирует лингвистические критерии её постановки в диалектных словарях с учётом разных типов экспрессивной лексики, разной частеречной принадлежности экспрессивных слов и различных способов выражения экспрессивности в слове.

Широту диалектологического пространства и многообразие проблем его исследования демонстрировали докладчики, анализирующие диалектную лексику разных регионов России: «Об особенностях семантического пространства русских диалектов (на материале Новгородского и Оренбургского областных словарей)» (Е. Н. Бекасова), «Вологодская диалектная лексика и её отражение в словарях разного типа» (Л. Ю. Зорина), «Экспрессивно окрашенные слова в вологодских говорах и их лексикографическое описание» (Е. П. Андреева), «Отражение процессов морфемобразования в словах с этимологическим корнем в вологодских говорах» (Е. Н. Иванова), «Морфологические особенности тульского диалектного пограничья» (Д. А. Романов), «Наименование лиц по профессии в говорах Русского Севера» (Н. В. Комлева), «Некоторые особенности семантики прилагательного цвета в архангельских говорах» (Е. В. Колесникова).

Территориальные особенности воровского закона стали объектом исследования Е. Зубкова. Автор выделяет две «оси» исследования уголовного дискурса: парадигматическую (как набор знаков и правил их сочетаний, ось выбора) и синтагматическую (ось комбинации знаков, выстраивающихся во всё более сложные синтагматические цепочки, собственно и являющиеся речью). Эти «оси» позволяют выявить уровневую

локализацию знаков различного характера и проследить процессы их возникновения и заимствования в различных языковых пространствах.

Диалектная составляющая не упускалась из виду и в оригинальном докладе об особенностях русской речи в городе Севастополе (Ю. Л. Ситько). Ситуация, сложившаяся в Крыму и Севастополе в конце XX – начале XXI вв., по его мнению, нетипична для функционирования русского языка: создались предпосылки для ускорения конвергенции с украинским языком в русском языке крымчан, стирания речевых признаков социальной стратификации и ослабления литературной нормы. Тем самым сложились условия формирования в Крыму особого варианта русского языка. Такой вариант должен базироваться на внутриязыковых, а не внешних и приходящих (социальных, политических) факторах, т.е. реальном факте соотносимости городского просторечия в Крыму и Севастополе с койне как с основным средством повседневного общения в разных коммуникативных сферах при регулярных социальных контактах.

Доклад О. Г. Ровновой «Отцы и дети» в именослове старообрядцев Южной Америки» основан на двух источниках антропонимического материала: экспедиционных записях, сделанных в старообрядческих общинах Аргентины, Боливии, Бразилии, Уругвая (2006–2014 гг.), и книге *Повесть и житие Даниила Терентьевича Зайцева* (Москва 2015), написанной автором-старообрядцем из Аргентины. Антропонимический материал рассмотрен в контексте специфики старообрядческой культуры, принятого в общинах речевого этикета и своеобразия лексической и словообразовательной систем диалекта с архаичными явлениями в них. Особое внимание обращается на фонетические трансформации календарных имен, маркирование имён детей суффиксом *-к(а)* (*Никитка, Софонья, Мотья*), образование и употребление отчеств, включение в именование имени более далёкого предка.

25-летие *НОС* стало, как видим, и подведением итогов, и достойным импульсом координации усилий российских диалектологов по составлению региональных словарей и осмыслению их богатого материала. Отмечая успехи в области диалектологии и диалектографии, участники конференции обсудили и перспективы будущего исследования обширного пространства народной русской речи. Одной из таких перспектив является сопоставление этого пространства с ещё более масштабным пространством языковой Славии.

Литература:

- Герд 1992: ГЕРД, А. С.: Предисловие. In: *Новгородский областной словарь*. Вып. 1, А–В. Новгород 1992, 3.
- НОС* 1992–1999: *Новгородский областной словарь*. Сост. В. П. Строгова, А. В. Клевцова, Л. Я. Петрова и др. Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–13. Новгород 1992–1999.
- НОС* 2010: *Новгородский областной словарь*. Ин-т лингв. иссл. РАН; изд. подгот. А. Н. и А. А. Мызников. (Сост. А. В. Клевцова, А. В. Никитин, Л. Я. Петрова, В. П. Строгова; ред. А. В. Клевцова, Л. Я. Петрова). Наука, Санкт Петербург 2010, XXVII, 1435 с.
- СРНГ* 1965–2016: *Словарь русских народных говоров, 1–49* (издание продолжается). Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Ленинград – Санкт Петербург 1965–2016.